

Саша Черный. Корнет-лунатик

Из сборника "Солдатские сказки"

Кому что, а нашему батальонному первое дело - театры крутить. Как из году в год повелось, благословил полковой командир на масленую представлять. Прочих солдат завидки берут, а у нас в первом батальоне лафа. Потому батальонный, подполковник Снегирев, начальник был с амбицией: чтоб всех ахтеров-плотников-плясунов только из его первых четырех рот и набирали. А прочие - смотри-любуйся, в чужой котел не суйся.

Само-собой, кто в список попал, послабление занятий. Взводный уж тебя на ружейных приемах не засушит, пальчики короткие. И вообще жизнь свежая, будто вольного духу хлебнешь. Лимонад-фиалка!..

* * *

Словом сказать, столовый барак весь в ельнике, лампы-молнии горят, передние скамьи коврами крыты, со всех офицерских квартир понашарпали. Впереди полковые барыни да господа офицеры. Бригадный генерал с полковым командиром в малиновых креслах темляки покусывают. А за скамьями - солдатское море, голова к голове, как арбузы на ярмарке. Глаза блестят, носами посапывают - интересно.

А на помосте - кипит... Вольноопределяющий - подсказчик из собачьей будки - шипит-поддает. Да и поддает для проформы, потому рольки на зубок раздраконены, аж сам батальонный удивлялся. "Ах, - говорит, - и сволочи у меня, лучше и быть нельзя".

Все, само собой, в вольном платье: кто барином в крахмале, кто купцом пузатым, кто служащим половым-шестеркой. Бабы рольки тоже все свои сполняли. Прямо удивления достойно... Другой обалдуй в роте последний человек, сам себе на копыта наступает, сборку-разборку винтовки, год с ним отделенный бьется, - ни с места. А тут так райским перышком и летает, - ручку в бок, бровь в потолок, откуль взялось...

А всех чаще вестовой батальонного командира, Алешка Гусаков, разделявал. Барыньку представлял, которая сама себя не понимала: то ли ей хрену с медом хочется, то ли в монастырь идти. То к одному, то к другому тулится, мужа своего, надо быть, для поднятия супружеской любви, дразнила... Мужчины за ей, конечно, как сибирские коты, так табуном и ходят. Ей что ж?... Пожевать да выплюнуть? Плечиком передернет, слово с поднамеком бросит, аж весь барак от хохота трясется. Бригадный генерал слезы батистом утирает, полковой командир ручкой отмахивается, батальонный уж и смеху лишился - только хрюкает. А адъютант полковой столбом встал и все взад оборачивается, солдатам знак подает:

- Тише вы, дуботолки, из-за вас никакой словесности не слышно!

Чистая камедь!.. Как развязка-то развязалась, - барин в густых дураках оказался, на коленки пал. А Алешка Гусаков в бюстах себе рюшку поправляет, сам в публику подмигивает, - прямо к полковому командиру рыло поворотил, - смелый-то какой, сукин кот... Расхлебали, стало быть, всю кашу, занавеску с обеих сторон стянули, - плеск, грохот, полное удовольствие.

Ну, тут батальонный по-за-сцену продрался, Алешку в свекольную щеку чмокнул, руками развел:

- Эх, Алешка! Был бы ты, как следует, бабой, чичас бы тебя на свой счет в Питербург на императорский театр отправил... В червонцах бы купался. Не повезло тебе, ироду, родители подгадили...

* * *